

Лейкин Николай Александрович

**Сцены из Купеческого
быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Сцены из Купеческого быта / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 188 с.

ISBN 978-5-519-92916-5

ISBN 978-5-519-92916-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НОВЫЙ ГОДЪ

(сцены).

Новый годъ. Утро. Еще и десяти часовъ не било, а ужъ въ залѣ у купца Обрубаева въ углу былъ поставленъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, и на столѣ стояла закуска: пирогъ съ сигомъ и визигой, селедки, икра, сыръ, сардинки и цѣлая шеренга бутылокъ съ самыми пестрыми ярлыками и графиновъ съ серебряными ожерельями, въ которыя были вставлены бумажки съ надписями въ родѣ слѣдующихъ: «на косточкахъ, желудочная, для живота». На двухъ же графинахъ съ простой водкой надписи гласили: на одномъ— «купеческая», на другомъ— «монашеская». Самъ хозяинъ Иванъ Лукичъ, полный мужчина въ новомъ сертукѣ и съ напыженною полусѣдою бородою, изъ подъ которой виднѣлись двѣ золотыя медали, скрипя ярко вычещенными сапогами, важно ходилъ по комнатѣ, въ полъ-голоса напѣвалъ «прежде вѣкъ отъ отца» и ожидалъ гостей, долженствующихъ явиться съ визитами.

По залу пробѣжала горничная съ цѣлымъ ворохомъ туго накрахмаленныхъ юбокъ и скрылась, въ гостинной, гдѣ одѣвались жена и дочь Ивана Лукича. Оттуда послышался пискливый женскій голосъ.

— Ахъ Марья! Боже мой! Срамъ какой! Да что же ты двери-то?..

Двери притворились.

Въ прихожей на ясномъ ларѣ, какъ разъ подъ двернымъ колокольчикомъ, сидѣлъ мальчикъ Ивана Лукича, который украдкой выпиналъ по кусочкамъ изъ брючнаго кармана какой то пряникъ и ѣлъ его, стараясь не чавкать губами. Когда хозяинъ подходилъ къ дверямъ или заглядывалъ въ прихожую, мальчикъ вскакивалъ съ мѣста и переставалъ жевать.

Въ прихожей раздались шаги, откашливанье въ кулакъ и въ залу вошли молодцы Ивана Лукича.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ!.. Сто лѣтъ... заговорили они и закланялись.

— Спасибо, спасибо! отвѣчалъ хозяинъ.—У ранней обѣдни были?

— Проспали, грѣшнымъ дѣломъ, отвѣчалъ кто-то изъ бойкихъ.

— Трафили да не вышло-съ, откликнулся одинъ изъ заднихъ.

— Не хорошо. А ежели Богъ насъ забудетъ, такъ какъ вы забыли Его? Знаете притчу о дѣвахъ со свѣтильниками?..

— Знаемъ-съ, только Богъ милостивъ.

— Ну, вотъ выпейте водки, да закусите.

Молодцы подошли къ столу, стали наливать рюмки.

— Закусывайте чѣмъ нибудь однимъ, чтобы закуску-то не портить, а то только растреплите, сказалъ хозяинъ.

Молодцы выпили и начали тыкать вилками въ се-ледку.

— Ну теперь съ Богомъ! Въ лавку пора. Давеча, у меня Власовъ былъ, я ему сказалъ, чтобъ въ два часа запирается.

Власовъ былъ старшій прикащикъ.

Молодцы начали переминаться съ ноги на ногу и не уходили.

— Дозвольте послѣ запору со двора?.. проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Ладно, я сказалъ Власову. Поди, денегъ нужно?

— Малую толику требуется-съ.

— Оцъ по три рубля выдастъ. Да смотрите у меня, не напиваться!

— Зачѣмъ напиваться... Господи!

— Ну съ Богомъ.

Молодцы поклонились и вышли, доѣдая по дорогѣ куски булки.

Иванъ Лукичъ заглянулъ въ прихожую.

— Сенька! Перетри рюмки, да поставь ихъ на мѣсто, сказалъ онъ мальчику.

Тотъ бросился было исполнить хозяйское приказаніе, но въ это время раздался звонокъ. Иванъ Лукичъ по-

смотрѣлся въ зеркало и поправилъ медали. Въ гостинной что то зажужжало и дверь захлопнулась еще плотнѣе.

— Изъ Туляковыхъ бань парильщики! доложилъ въ дверяхъ мальчикъ.

— Сейчасъ, проговорилъ Иванъ Лукичъ и вышелъ въ переднюю.

Въ передней стояли мужики и обтирали о половики сапоги.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ, Иванъ Лукичъ! Дай Богъ вамъ... заговорили мужики.

— Спасибо! отвѣчалъ Иванъ Лукичъ и обратясь къ мальчику проговорилъ:—принеси въ столовую... Войдите, ребята, вонъ въ ту комнату, указалъ онъ мужикамъ.

Мужики вошли въ столовую и начали креститься на образа, помѣщавшіеся въ углу въ роскошной «божницѣ».

— Божіе-то милосердіе! Мать Пресвятая!.. Эко богатство... Царица Небесная! проговорилъ одинъ парильщикъ, кивая на серебряные образа, ткнулъ другаго въ бокъ и тихо прибавилъ:—поди вѣдь вся тысяча тутъ...

Иванъ Лукичъ подбоченился и самодовольно крикнулъ.

— Что, въ среду бани не топили?

— Нѣтъ-съ, Иванъ Лукичъ. Вѣдь у насъ этого заведенія нѣтъ. Передъ Рождествомъ ежели, да передъ Пасхой топимъ, а передъ новымъ годомъ зачѣмъ?.. отвѣчалъ парильщикъ, кашлянулъ, хотѣлъ плюнуть, но, не нашедши на полу приличнаго мѣста, плюнулъ въ руку и стеръ ее о тулупъ.

— Долгонько у насъ, Иванъ Лукичъ, не извоили бытъ, прибавилъ другой парильщикъ.

— Какъ долгонько? наканунѣ сочельника былъ...

— Это точно съ, только съ тѣхъ поръ, Иванъ Лукичъ, много воды утекло...

Мальчикъ внесъ въ столовую четвертную бутылъ и стаканъ, сзади его кухарка несла край пирога.

— Ну-ко... сказалъ хозяинъ и взялся за бутылъ.

Парильщики перекрестились. Въ прихожей опять раздался звонокъ.

— Сторожа изъ рынка! проговорилъ вошедшій въ столовую мальчикъ.

— Зови.

Въ столовую вошли сторожа въ бараньихъ шубахъ, крытыхъ синимъ сукномъ, и съ головами, жирно намазанными деревяннымъ масломъ. Начались поздравленія.

— Ну, вотъ за одинъ скрипъ и начинайте! Господи благослови! проговорилъ хозяинъ, наливъ стаканъ водки.

— Сами-то, отецъ нашъ, пригубте! Сами-то... упрасивалъ одинъ изъ парильщиковъ.

Хозяинъ отпилъ полъ-стакана. Въ двери заглянула голова хозяйки.

— Иванъ Лукичъ, поди-ко сюда.

Тотъ подошелъ.

— Ты съ утра-то, не очень... вѣдь еще много придется...

— Господи! знаю. Неушто я несмышленокъ? отвѣчалъ тотъ и отошелъ отъ двери.

Началось водкопитіе. Толпа поздравителей еще усилилась. Пришли счетчики изъ банка.

— Подходите, подходите! не задерживайте... говорилъ хозяинъ, то и дѣло наполняя опорожняемый стаканъ.

Четверть была уже наполовину выпита... Парильщики сторожа и счетчики запикивали въ рты куски пирога. Разговорчивый парильщикъ, прожевавъ кусокъ, подошелъ къ хозяину, умильно взглянулъ на него и сказалъ:

— А посмотрю я, Иванъ Лукичъ, много васъ народу чествуетъ. Страсти Божіи!.. И всѣхъ-то вы по своей добротѣ угощаете и денежной милостью одѣляете... Какъ подумаешь, такъ праздникъ-то—и ахъ какъ,—въ копѣчку вскочить! Конечно, вы купцы богатые и можете полъ-Питера накормить, а все-таки...

Хозяинъ самодовольно улыбнулся и заговорилъ:

— Это еще что, это ты и четверти не видишь. Еще дворники придутъ, мусорщики, сторожа изъ трехъ церквей, трубочисты... Да мало-ли народу ко мнѣ съ поздравленіемъ ходить! Видишь четвертную бутылъ? Вотъ эдакихъ у меня шесть припасено; а къ вечеру можетъ и одной не останется...

— Вѣдь эта самая доброта ваша, Иванъ Лукичъ, на томъ свѣтѣ зачтется-съ, вѣрьте совѣсти... вставилъ слово

рыночный сторожъ, кашлянулъ и умильно взглянулъ на хозяина.

— А въ Рождество? Въ Рождество у меня изъ десяти церквей попы были, продолжалъ тотъ:—съ двухъ подворьевъ монахи и два хора пѣвчихъ. Одинъ хоръ я такъ накатилъ, что мои молодцы ихъ на рукахъ вынесли и, какъ дрова, въ кареты поклади... А почему? Потому я это самое хлѣбосолюство люблю...

— Зачтется-съ. Ей-ей — зачтется...

— Это точно-съ... Потому сказано: блаженъ рабъ еже... началъ было счетчикъ, но не докончилъ и запихнулъ въ ротъ кусокъ пирога...

— Къ вамъ письмо-съ... Какая-то дѣвочка принесла, проговорилъ вошедшій мальчикъ и подалъ письмо...

— Знаю. Надо стать на бѣдность просить, сказалъ хозяинъ и прочелъ конвертъ: его боголюбію, господину купцу Ивану Лукичу Обрубаеву...

Присутствующіе слегка наклонили головы и начали слушать. Хозяинъ разорвалъ конвертъ и, растягивая слова, началъ читать письмо. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Будучи обременена четырьмя малолѣтними младенцами и мужемъ по жестокосердію сидящимъ въ долговой тюрьмѣ, будучи не въ силахъ снискивать себѣ пропитанія трудами рукъ своихъ, по причинѣ одержимости болѣзною и будучи беременна пятымъ, наслышась о вашемъ благочестіи и незыблемой жадѣ утѣшать страждущихъ, молю, ваше боголюбіе, о помощи, дабы я съ

младенцами, въ сей первый день года могла вознести мольбы къ Всевышнему о вашемъ, а равно и семейства вашего здравіи».

Слѣдовала подпись.

На, рубль. Дай ей, сказалъ Иванъ Лукичъ, доставая изъ толстаго бумажника бумажку и подалъ мальчику.

— Зачтется, зачтется, заговорила поздравляющая братія, умильно заглядывая въ бумажникъ, изъ котораго выглядывали всѣхъ цвѣтовъ депозитки.

Распоивъ почти всю четверть и одѣливъ каждую партію по рублю, хозяинъ простился, ушелъ въ залу и запѣлъ было «Дѣво днесъ», но раздался звонокъ.

Въ комнату вошелъ гость въ усахъ, съ длиннымъ носомъ, въ чиновничьемъ мундирѣ и со шпагою...

— Алексѣй Иванычъ! Батюшки! Совсѣмъ офицеръ и при шпагѣ!.. заговорилъ хозяинъ и облобызался съ гостемъ. Что это вздумалось? Служишь что ли гдѣ?

— Въ приютѣ... Внесъ-съ передъ праздникомъ... Потому оно лучше... По крайности на городскую службу не выберутъ и опеки не навяжутъ.

— Да вѣдь разныя опеки бываютъ. Можно хорошую достать. Вонъ у Манькова. Торговать не надо — вотъ какая опека!..

— Ваши здоровы-ли?

— Пудрятся. Все еще одѣться не могутъ! Извѣстно— женщины! Анна Ивановна! крикнулъ Иванъ Лукичъ...

— Ахъ Господи! да сейчасъ! слышалось изъ гостиной...

— Не тревожьте ихъ, потому я на минутку...

— Хереску...

— Да неловко съ утра-то! Развѣ ужъ съ вами! Еще у Платона Иваныча придется выпить. Тамъ ужъ не отговоришься... По начальству пріютскому еще надо съѣздить...

— Одну-то ничего.

Хозяинъ и гость выпили по рюмкѣ, при чемъ гость какъ не изловчался, никакъ не могъ выпить, чтобы не обмочить въ рюмкѣ кончика своего длиннаго носа.

— Какъ торгуете?

— Да ничего слава Богу! На порядкахъ!... отвѣчалъ гость, запихивая себѣ въ ротъ кусокъ сыру. У насъ сыръ-то важный! Пришлите я вамъ отпускаю...

Заслыша звонъ рюмокъ, супруга Ивана Лукича тотчасъ же выплыла изъ гостиной. Это была толстая женщина съ двойнымъ подбородкомъ и заплывшими жиромъ глазами.

— Ты опять, я слышу, тутъ пьешь? Поудержись съ утра-то. Вѣдь еще къ генералу ѣхать надо, проговорила она мужу и поздоровалась съ гостемъ.

Сзади ея слѣдовала дочь, молоденькая дѣвушка въ синемъ шелковомъ платьѣ. Началось удивленіе мундиру гостя. По требованію дѣвушки, гость даже вынулъ шпагу изъ ноженъ и объявилъ, что заплатилъ за нее десять рублей.

— Охота это вамъ въ чиновники?... спросила она. — Чиновники такіе смѣшные...

— Ничего, такъ лучше... отвѣчалъ ни къ селу ни

къ городу, замаявшійся было гость, но супруга Ивана Лукича вывела его изъ замѣшательства.

— Пелагея Ивановна, здорова ли? спросила она.

— Все хворають.

— Я сама: то мельканіе въ глазахъ, то дрожаніе въ ногахъ... У ранней обѣдни были?

— Проспали-сь. Да Поличка и не ходять къ ранней обѣдни... Онѣ слабы...

— Нѣтъ, я люблю, потому потомъ днемъ хорошо спишь. Въ театрѣ были на праздникахъ?

— Какъ же-сь. «Запретный плодъ» смотрѣли. Ничего, — только много морали на жепщинъ и на мужчинъ напущено.

Гость началъ прощаться. Хозяинъ предложилъ «выпить на дорожку». Жена было начала его останавливать но Иванъ Лукичъ все-таки выпилъ. Гость ушелъ.

Въ залу вошелъ пожилой мужчина въ порыжеломъ длинно-подомъ сертукѣ. За руку онъ велъ маленькаго сына лѣтъ семи.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! заговорилъ онъ подобострастно кланаясь каждому члену семейства.

— А Гонцовъ, здравствуй! Какъ маешься? сказалъ хозяинъ и подаль гостю по генеральски два пальца...

— Перебиваемся по маленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, Иванъ Лукичъ, отвѣчалъ гость и обѣими руками схватилъ два хозяйскіе пальца.—Вотъ крестника вашего привелъ.